

Василий Попов

**ИЗ ЖИВОТВОРЯЩЕЙ
КАПЛИ КРОВИ**

СУПЕР Издательство

18+

Василий Львович Попов

Из животворящей капли крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48675834

SelfPub; 2020

Аннотация

Кровавое сообщество путешествующее по миру пьет человеческую кровь наравне с вампирами. Но это не призраки потустороннего, от которых веет могильным холодом. Они современные, адаптированы к человеческому существованию. Эликсир под названием «знание» изготавливаемый на основе крови – смысл их жизни и долголетия. Сообщество поддается гонениям и преследованием, как людьми, так и настоящими вампирами жаждущими получить формулу «знания».

Не сгинет кровью умытый,

И возродится крови испивший.

«Пьеса», открывшаяся перед глазами Владимира, была знакома ему. Он знал ее сюжет, смысл и неминуемый финал. Он сам однажды был участником подобной постановки.

Все играющие знали свои роли и знали то, что означает финальная сцена для одного из героев. Кроме последнего – он играл вслепую. Он просто играл свою жизнь, точнее, жил ее, не подозревая, что все остальные играют на нее – на его жизнь. Точнее, на то, что связано с ней. Сама жизнь обесценивалась по мере приближения к финалу. Владимиру повезло: после подобных обесцениваний и обезличиваний ему сохранили жизнь. Жизнь запредельно долгую.

За столом две привлекательные молодые девушки и двое мужчин. Две сестры и брат гостят в доме жениха одной из них. Странность сестер вызывает недоуменные взгляды прислуги дома. Эта же странность остается незамеченной для самого хозяина.

Большой загородный дом, расположенный на скалистом берегу теплого моря. Беседка, обрамленная виноградником. Укрывшийся в скалах пляж. Белоснежный песок и прозрачная вода. Маленький рай в пятидесяти метрах от дома.

Кроваво-красный свет заката окрашивает зал, наполненный вялотекущей беседой о предстоящей свадьбе. Белоснеж-

ная скатерть, салфетки, платья женщин, рубашки мужчин – все становится красным в свете уходящего за горизонт светила. Только красное вино в бокалах просто темнеет.

– Майкл, налейте водки, устал от этой кроваво-красной кислятины! – Хозяин дома внезапно отставляет в сторону бокал с вином. Расплескавшиеся капли попадают на скатерть, темнея на белой материи красивым орнаментом. – Если я побуду хоть четверть часа на солнце, я превращусь в изюм....

– Милый, – взгляд будущей невесты полон чувств, – вино гораздо полезней водки.

– Вся жизнь состоит из стереотипов, кем-то навязываемых обществу... – он поочередно встретился со взглядами будущих родственников и пожал плечами. – Хорошо! Пусть это вино, но белое столовое. Я не люблю красный цвет – он напоминает о крови...

– Но кровь – смысл мира, – приятный голос Веры, сестры невесты, наполняет зал, радуя присутствующих. Владимир же, стоящий наверху, расстегивает при этом ворот рубашки. – Посмотрите, все вокруг пропитано ею: вся жизнь, весь мир, основы которого строятся на крови.

Сделав глоток белого вина, Павел посмотрел на говорящую с недоумением.

– И я не говорю о ней как о составляющей организмов живых существ, – Вера заставила нервничать всех мужчин в доме своим дрожащим тембром голоса, он, казалось, прони-

кал не только в органы слуха, но и в каждую клетку их организма. – Оглянись вокруг себя! Всё имеет свою кровь. Это яблоко, лист дерева, на котором вырос плод, и даже само дерево. Их сок – это кровь, она питает их, они не могут жить без нее. Лишившись ее, они вянут. Так во всём. Земля...

– Я понимаю ход твоих мыслей, Вера, – Павел, звеня касанием приборов о блюдо, нахмурился. – Но я маринист и востребованный, я пишу море, пейзажи. И в этом моя индивидуальность: я всеми силами «выжимаю» кровавый цвет из своих полотен. Закат солнца на них может быть каким угодно: зеленым или фиолетовым, даже грязно-серым, только не красным! Пусть кровь будет прозрачной, как у медузы, – еще один глоток бесцветного вина, – если она существует в ней...

– Но Вера, – раздался хриплый голос Георгия, словно из склепа (брат присутствующих здесь сестер), – нельзя так предвзято относиться к Павлу: может, в его жизни произошло несчастье, приведшее к подобному отношению... к крови.

Все перевели взгляды с бледного лица Георгия на Павла. Последний оглядел присутствующих и, бросив салфетку на стол, поднялся.

– Мне нужно работать. – Поднимаясь по лестнице, Павел оглянулся: – Я надеюсь на полуночный променад, Надя.

– Да, милый, – ее смуглая кожа побледнела до цвета кофе с молоком.

Сидящие за столом переглянулись между собой. На лицах

застыли улыбки. Майкл, обслуживающий стол, бледный лицом, сжал губы. Ужин заканчивался. Владимир отправился готовить Надю к прогулке.

*

– Ты не должен так реагировать. Моя сестра... – Надя перепрыгивала с камня на камень, держась за руку Павла.

– Твоя сестра нагоняет на меня тоску и уныние, несмотря на всеобщее восхищение ею. – Павел смотрел с неприязнью на кровавый горизонт. – Мое мнение перманентно – после общения с ней я не могу работать. Я простоял возле мольберта около часа и не смог сделать ни одного мазка... Это патология!

– Ты утрируешь, милый, – Надя поцеловала Павла, закрывая глаза, – и, несомненно, преувеличиваешь силу ее слов.

Павел, подняв на руки девушку, поставил ее на камень, уходящий в воду. Отойдя, посмотрел на невесту в тусклом свете луны, что разделил небо с остатками багрового свечения. Ее каштановый цвет волос отдавал медью в этом симбиозе. Сверкая, почернели карие глаза. Едва сдерживаемая тканью декольте платья ее большая грудь вздымалась в порывах дыхания.

– Ты сейчас бледна, как твой брат, но... прекрасна. – Павел запоминал инсталлированную им композицию, собираясь выложить позже на холсте, хотя лица и человеческие образы давались ему с трудом. – Что с ним, кстати, он болен?

– Георгий всегда был болезненным мальчиком, – Надя,

смеясь, прыгнула с камня, попадая в объятия жениха, – но иногда он удивляет своей внутренней силой, несмотря на кажущуюся слабость.

– Он всегда будет таскаться с нами? – Павел кивнул на Владимира, идущего по прибрежной гальке.

– Владимир? – она загадочно улыбнулась. – Это его работа....

– Надеюсь, он не ляжет с нами в кровать? – Павел бросил камень в воду.

– Нет, милый, – Надя сверкнула белоснежными зубами. – Хотя, наверное, очень хотел бы... – Она рассмеялась и побежала по лестнице, ведущей к дому.

Павел побежал за ней. А Владимир, хрустнув костяшками кулаков, отправился вслед за бегущей парой.

Луна скрывалась в тучах, утопая в них, как неумелая ныряльщица в беспокойном море. Светлячки зависли в соцветиях жасмина, аромат которого переполнял воздух.

Вряд ли кто-то мог подумать, поверхностно зная это семейство, что этим девочкам и их братцу в совокупности на троих около пятисот лет. Знал Владимир и еще несколько людей на этой планете. Но и все они, включая Владимира, долгожители по человеческим меркам.

Утро в загородном доме начиналось поздно. Хозяин, как личность творческая, не имел определенного распорядка дня. Прислуга подстраивалась под него. Гости позиционировали себя как членов высшего общества и позволяли себе

появляться только к обеду.

Все находились за столом, кроме хозяина.

– Где Павел? – Вера смотрела на прислугу дома. – Мы же не можем начать без него. Надя?

– Он ушел работать еще утром...

– Может, кто-нибудь позовет его?

Прислуга с немymi лицами ожидала распоряжений только хозяина.

– Владимир!?

Дверь мастерской была приоткрыта. Оттуда доносилась ругань. Владимир толкнул дверь. Атмосфера отчаяния заполнила кабинет художника. Владимир выдавил улыбку, увидев беспомощность Павла. Ему было знакомо это состояние – он испытал схожее потрясение лично.

Принадлежности художника были раскиданы. Павел сидел на полу, взгляд абстрагирован. На холсте – морской пейзаж. Море и прибрежная линия горизонта выполнены всевозможными оттенками красного. От розового и алого до бордового. Даже тонущий парусник, символизирующий здесь, видимо, смерть, был кровавого цвета.

– Bravo! – Владимир похлопал в ладоши. – Это шедевр... Правда, чуть-чуть недостаточно красного, но это мелочь.

Павел развернул к нему голову со включенными волосами.

– Я не понимаю, как это получается, – художник пожал плечами, – у меня нет красных красок...

– Это только подтверждает ваши профессиональные качества. – Владимир открытой ладонью призвал отчаявшегося человека: – Прощу к обеду, все собрались...

Павел остановился возле Владимира и процедил сквозь зубы:

– Ничего более циничного я не слышал в своей жизни! – Художник вышел.

Владимир, поднимая и разглядывая сломанные рамы, холсты с избытком красного, улыбался воспоминаниям.

Это было около века назад. Владимир – дворянин, блестящий офицер, – находясь в собственной усадьбе, принимал свою будущую невесту с ее матерью. Помолвка. Дворянский дом был огромен и вмещал большое количество знати. Родственники Владимира, однополчане...

Наконец-то! Все вздохнули свободно: Владимир был гуляка и отчаянный дуэлянт. При этом стрелок от бога. Помолвка, по мнению родителей и сослуживцев, должна была дисциплинировать молодого дворянина. На это надеялся и сам Владимир.

Надя со своей матерью, больше похожей на подругу, восхищали всех собравшихся в доме. Они расцветали от счастья в буквальном смысле слова: за неделю они помолодели. Но странным образом исчезли младшая сестра Владимира и двое слуг. Сначала Ольга, ссылаясь на болезненное состояние, не вышла к гостям, а затем и вовсе пропала. Обнаружилось исчезновение слуг.

Помолвка превратилась в черный праздник. Дом опустел. Уехали даже проверенные в боях офицеры. Остались только родители и прислуга невесты с матерью. Предки Владимира гасли на глазах.

Владимир высказал свои подозрения в лицо невесте и ее матери. Шок – девушки, а именно так они выглядели на тот момент, согласились «по всем пунктам предъявленного обвинения».

И в этот момент случилось необъяснимое: Владимир достал пистолет с намерением избавиться от двух существ, истребляющих его семью. Но он не знал, что с ним делать. С пистолетом! Он не мог понять, как он действует! Он смотрел с недоумением на револьвер, не раз спасавший ему жизнь, как на бесполезный кусок металла.

Две красивые, но ужасные смотрели на него с улыбками. Владимир отказался от помощи «фурий» вернуть ему утраченные способности, декларируя о своей самостоятельности. Они оставили его, чтобы прийти вечером и насмехаться снова.

Владимир сидел возле разобранных частей револьвера, лежащих на ковре, замерев статуей над ужасной головоломкой.

Еще два дня он слонялся по дому – от охотничьих ружей отца до своей личной коллекции пистолетов – в попытке осознать, для чего существует оружие и какие цели преследовали его создатели. За это время он потерял родителей.

В отчаянии он сдался этим женщинам...

Точно такое же отчаяние двигало сейчас и известным художником, чьи картины на рынке были востребованы и ставились на одном уровне с великими мастерами.

– Я вне себя от непонимания происходящего, – Павел описывал симптомы своего странного заболевания личному врачу, консультирующему его по телефону. – Я не растерял способность распознавать цвета, нет! Нет, доктор, я не дальтоник... Я пишу красным, которого нет в моей палитре, я его создаю из других цветов... Это цвет, который мне ненавистен, и вы знаете почему. Это отклонение!

Успокоительные речи врача вызывают нервный всплеск эмоций Павла. Он разбивает трубку телефона о стену. Вернувшись в компанию, он находит своих потенциальных родственников играющими в карты. Маски снобов на лице. Poker.

– Милый, ты болен? – взгляд Нади наполнен любовью.

– Да! – Ухмыльнувшись, он осмотрел присутствующих.

– Я предлагаю кровопускание. – Лицо Веры напоминало лицо взрослого человека, предлагающего леденец ребенку. – И напрасно этот метод, проверенный веками, считают...

– Вы с ума сошли!?! – голос Павла взвизгнул.

– Да, Вера! – открывая троечный сет, проговорил Георгий. – Это, в конце концов, какое-то средневековье... Я посоветую летаргический сон!

– М-м-м... Спящий красавец! – Надя, закуривая, взгля-

нула на Павла. – Как тебе, милый?

– Вы что здесь, все с ума посходили? – Павел вскочил, едва присев, и тут же медленно опустился.

– Врача! – закричав, Надя побежала к жениху.

Врач, знающий все темные уголки сознания Павла, рассказываясь на подлокотнике кресла, смотрел на пациента. Затем, убрав свои инструменты, сложил руки на груди.

– Необходима полная диагностика организма... – Он взглянул еще раз на показания, записанные в блокноте. – Хотя патологий я никаких не наблюдаю...

– Доктор... – начал Павел, но, заметив Владимира, осекся. – А ты что здесь делаешь?

– Ваши слуги, – лицо Владимира выражало сожаление несумевшего отпустить грехи служителя бога, – как-то болезненно себя чувствуют... Я их заменю.

– Что, все сразу?

– Да. Видимо, инфекция. – Владимир обратился к доктору: – Может, посмотрите их?

– Э то моя прямая обязанность! – Доктор поднялся. – Я завтра дежурю, Павел, на послезавтра назначим обследование...

Художник закрыл глаза, слабея. Он проваливался в теплые воды океана, которые в бессознательном оказались кроваво-красными, он тонул в них.

Придя в себя, он обнаружил возле постели Надю. Взгляд полон тоски.

– Мой милый, ты заставляешь меня нервничать! – она вытирала лоб Павла. – А мне нельзя – ты же знаешь, я в положении...

Павла сковал ужас – невесту и все окружающее он видел в красном свете. В ненавистном для него свете. Его затрясло.

– Как?

– Что, милый? – она улыбнулась. – А! Это репродуктивные способности женского организма...

– Как я буду писать картины, не различая цветов? – он приподнялся, зажмуривая глаза и снова открывая, пытаюсь избавиться от наваждения. – Я вижу все в красном... А-а-а, вы включили красные лампы!?

Павел поднялся и шатаясь подошел к окну. Но там, за шторой, его ждал очередной удар. Алые лучи солнца пробивались сквозь темно-красные тучи.

Следующее открытие глаз больного принесло облегчение: он увидел привычные сочетания цветов.

– И все-таки кровопускание, мой друг, кровопускание... – Вера передала шприц Георгию. – Говорю вам как врач: других, более эффективных методов медицина еще не открыла!

– Может, в качестве профилактики – летаргический сон? – Георгий с улыбкой невинного младенца смотрел на Павла.

– Об этом не может быть и речи! – Надя приняла большой шприц из рук Георгия, рассматривая с интересом кровь. – Мне мой милый нужен бодрым и свежим...

– Я должен работать! – Павел приподнялся, но порыв ограничился слабостью тела.

– Это исключено...

Все трое направились к двери.

– Ты, Павел, еще слишком слаб! Организму необходим отдых...

– А где мой врач?

– Он звонил – операция, очень сложный случай, – улыбнулся Георгий возле двери. – Заедет завтра.

– Позовите кого-нибудь из моих людей!

В дверях появился высокий силуэт Владимира. Тень, отброшенная им на потолок, напоминала образ демона. Но Павел не видел этого – он уснул, проваливаясь в кошмарные видения.

Владимир смотрел на признанного миром искусства гения и вспоминал свое падение...

Девочки очень быстро выжали кровь из него. «Выжатый лимон» – это самое точное определение. Двадцатипятилетний офицер стал похож на старика. Он сидел в кустах цветущей сирени возле собственного дома и смотрел, как веселятся два его злых гения в образе цветущих нимфеток. Он состарился за день. Он умирал, пуская слюни и мочась в парадно-выходные брюки. Триумф! Но молодой еще мозг, не тронутый маразмом, отказывался осознавать происходящие... И он жадно хотел жить. Тем более, что для него уже была предписана смерть. В бою. Как минимум на плахе.

– Он что-то там бормочет, мама! – Надя смеялась журчанием весеннего ручья.

Ее вчерашний жених журчал своим источником.

– Ну так послушай его, – Вера, смеясь, казалась еще младше своей дочери, – это же твой несостоявшийся муж!

Надя, зажав нос, спросила, что хочет Владимир. С губы сморщенного лица стекла слюна.

– Жить... – раздался едва различимый шепот.

– Он хочет жить!

– А ты этого хочешь? – Вера закусила ветку базилика.

– Ну... У него был неплохой потенциал...

– Ты сейчас о том, о чем я подумала?

– Ну и это тоже... – Надя надула губы, как ребенок.

– Зови скорее Владислава, а то он сейчас развалится!

Они подарили ему жизнь. Жизнь долгую. Настолько, что устаешь жить. Но продолжаешь, потому что с каждой каплей крови животворящей ты получаешь дополнительные ощущения. Эмоции, которые испытывал человек, отдавший свою кровь. И нет, не только те, что он испытывал непосредственно перед смертью, доставались и положительные. Но их необходимо было заслужить.

Вот и сейчас, глядя на признанного миром искусства мариниста, Владимир знал: в данный момент где-то в другой комнате вместе с кровью делятся эмоции гения: его взлет на пути к Парнасу, купание в лучах славы... А ему достанутся «смывки» – где художник ощутил себя снобом, уже насы-

тившимся всем тем, о чем мечтает простой смертный. А еще хуже он примет то, что скопилось в гении за последние дни.

Именно поэтому «выжатые лимоны» дожимались не до конца. Они издыхали где-то с тихим хрипом. Только в голодные невыносимые дни... Только в голодные невыносимы дни они падали, как мумии, без единой капли крови.

Следующая фаза работы с гениальным художником была очевидна. Сюжеты не менялись, менялись лишь декорации и участники.

Слуги надоедали, и их отправляли в мир иной. Владимир задержался в этом мире и являлся потенциальным претендентом на уход.

Павел появился на следующий день к обеду. Владимир обслуживал стол. Он знал правила этикета и все тонкости сервировки стола. Годы. Годы жизни давали колоссальный опыт.

Художник с недоверием взглянул на омара в креветочном соусе. А цвет красного полусухого несколько помутил его разум.

– Тебе лучше, милый? – Надя пристально взглянула на Павла.

– Я различаю цвета и считаю, это положительная динамика...

– Я тоже так думаю. – Георгий выглядел гораздо лучше, на его щеках появился румянец. – Признаю некомпетентность в вопросах медицины. – Он поклонился Вере.

– Да, мамочка, ты большой молодец! – Надя поцеловала мать в щеку.

– Это только начало... – Вера попросила добавки супа. – Неизвестно, как себя почувствует Павел в мастерской, может, придется продолжить терапию.

Павел, пристально глядя на нее, отодвинул от себя блюдо с куском красной рыбы. Поднялся и, ничего не говоря, пошел к лестнице, ведущей в мастерскую.

– Милый...

– Оставь его... – Ладонь Веры легла поверх кисти руки дочери.

Все, включая Владимира, переглянулись, когда через четверть часа раздался дикий вопль. Девушки бросились наверх. Вальяжно шагал по ступеням Георгий. Владимир замыкал шествие.

Павел сидел напротив мольберта. Огромное красное яблоко красовалось на холсте. Рама с точно таким же плодом валялась в стороне.

– Они идентичны... – Вера покачала головой.

– Неплохая копия. – Георгий поддержал пошатнувшуюся Надю.

– Это ты... – Павел с ненавистью посмотрел на Веру. – Это же все ты!

Георгий встал между ними.

– Обвинения должны быть обоснованы, мой друг, – Георгий серой сталью своих глаз смотрел сквозь Павла, – никак

не меньше...

– Это же ты, Вера, навязывая мне свой трактат о крови, упоминала яблоко, – Павел морщил лоб, словно вспоминал события десятилетней давности. – Все как в тумане, но я помню это...

Надя схватила Павла за руку. Вера покачала головой.

– Только терапия, только... Владимир, готовь его!

Сквозь бледность лица Павла можно было видеть болезненно выделяющиеся капилляры. Павел находился в бессознательном состоянии. Они слили с него немного – десертная порция для них и способность к существованию для Павла.

Владимир ощущал прилив бодрости, смешанный с незнакомым ему чувством. Он еще не распознал его, но понимал – этому он обязан Павлу. Вдыхая аромат ириса, доносящегося с улицы, он думал, как ни странно, о будущем. Мысли о прошлом утомили в процессе долгой жизни.

Георгий примкнул к ним на четверть века позже Владимира. Он заматерел, отлично играл необходимые роли и стал неплохим юристом, что было очень важно в их связке. Владимир из боевого офицера превратился в слугу. Но неплохо готовил из крови составляющую «знания», что было немало важно. Но с каждой разыгрываемой партией его шансы уменьшались – попадались люди грамотные и разбирающиеся во многих жизненных сферах. Ему приходилось много изучать.

«Век живи и век учись...»

Следующий полдень принес бурю эмоций. Болезненного вида Павел написал остров в океане. Шторм поглотил участок суши. Буря эмоций, что бушевала в художнике, отразилась на холсте.

– Прогресс, сумасшедший прогресс... – Вера стояла в мастерской, замороженная произведением – Еще пару сеансов, и вы вернете себе прежние гениальные способности.

Даже Павел поверил сказанному. Но возвращению гения предстоял краткий разговор, который потряс художника.

– Нет, вы действительно сошли с ума! – смех Павла был похож на хохот невменяемого человека. – Переписать на Надю поместье и даровать ей свои лучшие картины!?

Несостоявшаяся невеста закусила нижнюю губу. В глазах – непричастность ко всему происходящему.

Павел стоял на газоне летней лужайки поместья, на которой обычно проходили открытые обеды. Аромат соцветий карликовой вишни кружил голову девушкам. Голова Павла кружилась от услышанного. Георгий наслаждался красным продуктом испанских виноделов. Павел с ненавистью смотрел на это.

– А почему не всю свою жизнь? – услышав молчание в ответ на вопрос, продолжил маринист.

– Это было бы интересно, – Вера покачала головой, – но она стоит гроши сегодня... А завтра вы уже сами будете платить, чтобы хотя бы банально существовать.

– В конце концов, Павел, кто вы без умения творить? – Георгий постучал пальцами по бокалу, подавая сигнал Владимиру. – Или что?

Павел, осмотрев всех присутствующих, сорвался и побежал в дом. Через пять минут оттуда донесся крик отчаяния. Эхо этого звука согнало птиц с вишневых деревьев.

– Мне не нравятся его настроения... – Надя кормила мопса остатками полдника.

– Г лавное, чтобы выдержал его организм. – Вера взглянула на приближающуюся линию туч в небе. – Как было неоднократно: потрясения избалованных жизнью натур не оставляют им шансов, как, впрочем, и нам...

– Или склонность к суициду... – Георгий взглянул на часть светила, окруженного тучами, сквозь призму винного бокала. – Помните тот случай в Новом Орлеане?

– Владимир!?

– Да, госпожа...

Павел находился в мастерской. Верх отчаяния. Ужас в бегущих глазах. Grimаса мима, демона на лице. Разбросанные кисти, краски, поломанные рамы. Поднимающийся ветер треплет легкую занавеску и включенные волосы хозяина дома.

– Я не знаю, что с этим всем делать! – Художник поднял глаза на Владимира, одновременно указывая рукой на хаос в мастерской.

Владимир поднял один их холстов, сохранившийся на де-

ревянном каркасе, на нем хаотичные линии. Лицо Павла было бледным с оттенком зеленого.

– Что-то посоветуешь? – взгляд расширенных глаз изучал Владимира.

– Рекомендую принять их условия, – Владимир убеждал своим спокойствием и тихим голосом, – и они оставят вам жизнь. – Он протянул холст с мазней Павлу. – Что ваши картины, поместье, финансы, когда вы будете лежать под толстым слоем земли и газона. Признание? Хм-м...

– Не лишено логики, – Павел отбросил в сторону холст. – Продолжайте!

– Оставленное ими вам мастерство и пережитые здесь эмоции подарят миру новые гениальные творения, – Владимир пожал плечами. – Ну и опять же – жизнь...

Он оставил его – полуживого, полугениального – в хаосе своей мастерской.

Поместье заволокли тучи. Стучал в окна набирающий силу дождь. Возле камина кутались демоны с человеческими лицами. Они планировали свой следующий шаг. Обсуждали будущую жертву. Его недвижимость. Ликвид.

– Владимир?

– Да, госпожа, – он склонил голову, войдя.

– Как он? – Надя, ежась от холода, смотрела на языки пламени.

– Завтра. – Владимир потер дрожащие руки. – Я думаю, это произойдет завтра...

– Ты уверен? – Девичье лицо Веры с трудом сочеталось с мудростью ее глаз.

– Мой опыт говорит, – Владимир кашлянул в кулак, – что Георгию пора готовить бумаги...

– Ну и отлично! – Георгий вскочил, глядя через окно на непогоду. – Давайте раскурим кальян, я устал от этой плаксивой серости!

– Не стоит, моя девочка... – Вера обняла вздыхающую Надю, целуя ее в голову. – Каждый раз ты оставляешь частицу себя с ними. Мне больно смотреть на это...

– Может быть, это милосердие?

В ответ раздался противный смех Георгия, заглушающий дождь. Владимир до хруста стиснул зубы.

На холсте свежел красками пейзаж. Впервые не морской. Хотя, может, частично – в видении творца... Из-под кисти Павла «вырвался» вид из окна, которое не выходило на море.

Павел видел, как демоны покидали уже чужое для него поместье. Две черные машины разрезали пространство цветущей зелени. В небе светило, вращая лучами, тонуло в тучах. Художник поменял местами землю с небом – в черном море утопало кровавое солнце, в грязно-зеленом небе парили демоны. Впервые Павел ассоциировал себя с кровавым светилом.

Это было последнее его полотно. Произведение уйдет с молотка аукциона Sotheby's за рекордную сумму как картина неизвестного художника.

За последние два века высший свет планеты столкнулся с чередой странных убийств и исчезновений членов элитарной прослойки общества. В большинстве случаев трагедии сопровождались отчуждением частной собственности, следы последующих владельцев которой терялись в цепочке перепродаж недвижимости, оставляя лишь кровавые отпечатки убийств. Жертвы – подставные лица.

Паника, проникшая в ряды богатых слоев и сословий, привела к созданию ячейки общества, которая предложила формирование и финансирование группы лиц, занимающихся расследованием этих резонансных дел. Это было полвека с лишним назад.

Результат в проведенной работе фактически отсутствовал. Отдел периодически закрывался из-за своей нецелесообразности. Спустя время открывался вновь ввиду прогрессии преступлений и следующей за ними новой волны паники.

Обновляемый состав группы начинал расследование с рутинной работы – изучения материалов убийств вплоть до вековой давности. Компьютеризация и общая база данных облегчила работу. Но образование оффшорных зон усложнило поиск и работу в целом. Но высшая каста, в чьих жилах текла «голубая кровь», буквально требовала остановки кровопролития. Фактически не осталось богатых семей, кого не тронула хотя бы косвенно эта кровавая «чума» за несколько

столетий.

Александр – следователь в третьем поколении. Как преданный сын своих предков и их желаний отучился и стал лучшим в оперативно-разыскной работе. Но его потенциал развалился после нескольких скандалов, связанных с расследованием коррупции среди высших чинов власти.

Он охладил к работе. К семье и к жизни в целом постепенно терял интерес. Появились предрассудки и зависимости. Свои финансовые пробелы Александр закрывал участием в «кривых» сделках.

Анастасия уходила от него. Не в первый раз. И не в первый раз он провожал ее полным отсутствием эмоций. Они отмирали, как ненужные клетки организма, способного существовать без них.

На столе безответно мигал вызовами телефон. На этом же столе покоились обутые ноги Александра. Сюда же прилетел и подарок на годовщину знакомства – золотая цепочка с кулоном.

– Что б я еще раз вернулась к тебе... К твоим «бесцельным стремлениям» и своим неоправданным ожиданиям? Нет! – визг Анастасии глушился расстоянием и полужакрытым проемом двери. – Да я лучше покроюсь мхом в офисном планктоне и случайных половых связях! Это хоть как-то «адренинит»...

Александр улыбнулся мысленной инсталляции падения подруги жизни. Он глотнул алкоголя и закрыл глаза.

– В тебе жизни – ноль, ты умер там, в тех закрытых делах, покрылся в них пылью, – голос «уходящей» стал громче, она гремела сборами. – Ты абсолютно не умеешь проигрывать. Не можешь пережить переживаемое, а это одна из главных черт потенциального неудачника...

– Да что ж ты, сука, не уйдешь-то никак!?

Александр поднялся. Анастасия, оставшись с чемоданами на площадке, еще долго колотила в дверь и что-то кричала на весь подъезд...

Александр релаксировал в прежней позе, сопровождая расслабление глотками недорогого алкоголя.

– Да... – он все-таки отреагировал на телефонный звонок.

– Ты был там?

– Да...

– И как прошло?

– Всё как обычно.

– Отлично! На звонке...

Повторная вибрация телефона мешала расслаблению.

– Алло...

– Александр Сославский? – голос удивил мягкостью и странным акцентом.

– В принципе, да...

– У меня к вам предложение, – голос мужчины убеждал.

– Надеюсь, не руки и сердца? Еще всё так свежо...

– Нет. Я традиционен...

– А в чем смысл? – Александр взглянул в темноту жидко-

сти бокала.

– Традиционности?

– Нет. Предложения?

– Обсудим это при встрече.

Он был определенно традиционен. Классический стиль одевания и манера вести диалог. Тронутые сединой виски, галстук, трость и кольцо с большим бриллиантом. Отрезанный кончик сигары и зажигалка, поднесенная рукой из ниоткуда взявшегося человека. Все это интриговало.

Интриговала и осведомленность собеседника в положении дел Александра. Заинтересовало само предложение неординарностью потенциального расследования. Масштаб преступления и другие детали.

– И все-таки, почему я? – Александр отказался от предложенного коньяка.

– Рекомендации, рекомендации... – развел руками собеседник.

– Насколько понимаю, чьи они, нет смысла спрашивать? – Александр, поднимаясь из-за стола, спрятал визитку в карман. – Я подумаю...

Прощанием стал клуб дыма сигары, пущенный вверх.

*

Следующей потенциальной жертвой стал профессиональный актер, снявшийся в нескольких блокбастерах. Звезда закатывалась за небосклон славы – он уже не был востребован, но все еще богат и переживал недавний развод с очередной

пассией. Алкоголь и наркотики – как утешение.

Поглотители финансов и человеческой крови терзали богему. Все дело в преследовании. Не в первый раз Вера ощущала тревогу. Присутствие сильного врага. Сказать больше – организации. Признаки проявления которой наступали сразу после очередной партии, разыгранной именно с представителями богатых династий. Привилегированная каста. Именно после атак на их финансовые структуры кто-то настойчиво шел по их кровавому следу. Это угнетало и мешало работать. Мешало тем, что эта организация не единственная, кто представлял опасность для них.

Представители глянцевого обложки были также богаты и очень часто одиноки – оторваны от родственников ввиду собственного снобизма. Проблема – минимум точек для предварительных манипуляций.

Дом актера погряз в разврате. Поэтому киноидол не был удивлен появлению двух красивых девиц и их «сутенера».

– Оставляй обеих до утра! – Стоя в халате возле бассейна, звезда кинематографа был похож на погорельца, оставшегося в тапках и халате возле потушенного очага пожара. Он еще раз взглянул на девочек. – Хотя лучше позвони – я, может, и продлю...

– О, Дональд! Как не стыдно? – Вера шагнула к актеру. – Это же я, твоя киса!

Пятидесятилетняя звезда уже, видимо, давно отыграл «в кошки-мышки» – недоумение застыло на его лице. Услы-

шанная фраза рвала его память, но безрезультатно. «Киса» пришла на помощь.

– Канны, два года назад... Отель, белый танец и кольцо с бриллиантом как зарождение будущих отношений, – Вера с грацией в осанке двигалась к Дональду, – объятья на балконе в лучах восходящего солнца, ноты черники в бокалах вина...

Натиск ошеломил актера. Он снял очки для зрения и надел солнечные. Словно спрятал за ними весь стыд своей жизни.

– Сюзанна...?

Вера приближалась. Дональд отступал к бассейну. Догадка мелькнула на его лице.

– Виктория?

Атака продолжалась. Пути к отступлению отсутствовали – позади бассейн. Взгляд Дональда обращен к Наде и Георгию. Те пожимают плечами.

Выход из положения Дональда пришел вместе с выходом из-под воды головы в солнцезащитных очках.

– Киса! Мы можем продолжить разговор в гостиной, это гораздо удобнее, – с бакенбард Дональда стекала вода. – К чему этот радикализм? Ты и твои друзья...

Вера уже шла в дом, не обращая внимания на торчащую из бассейна голову. Надя и Георгий, выждав паузу, последовали за ней. Их чуть не сбили полураздетые падшие женщины на входе.

– Дональд, Дональд... – визжали жрицы любви, подбегая

к выбиравшемуся из бассейна актеру.

Ничего не понимающий Дональд отмахнулся от них, как от назойливых мух. Он приземленной походкой семенил в дом. Закрыв процессию Владимир с чемоданами в руках.

Дональд несколько расстроил планы кровавой четверки. Во-первых, он несколько свел с ума Веру, что не имело прецедента в прошлом. Во-вторых, его кровь была настолько пропитана алкоголем и наркотиками, что раствор не то что не имел нужного эффекта, он попросту не получался. Они питались запасами, находящимися в мобильном холодильнике. Но это был консервант, продлевающий существование. Эффект омолаживания организма давал свежеприготовленный продукт.

– Ты уверен, что все правильно делаешь? – Георгий нервничая ходил по гостиной.

– На все сто! – Владимир грелся возле камина.

– А ты? – Георгий взглянул гневно на Надю.

– А мне-то зачем обратный эффект? – девушка выражала всю степень недоумения на лице.

Надя добавляла в состав раствора несколько капель известной только ей с Верой жидкости. Это был их гарант. С кровью и остальными препаратами возились другие. В данный момент -Владимир.

– Тогда ты должна поговорить с матерью! – Георгий перешел на повышенный тон, вызывая внутренний гнев Владимира, успокаиваемый только взглядами карих глаз Нади. –

Что с ней происходит, в конце концов?

– Я не помню ее такой со времен... – Надя напрягла память и махнула рукой. – Неважно уже, с каких времен...

– И что нам делать? – Георгий едва справлялся с нервной тряской.

– Есть еще повар и приходящий раз в три дня садовник. – Владимир проявлял спокойствие, по крайней мере внешне.

– Но это не выход из положения! – взвизгнул голодным псом Георгий.

– Из какого положения? – раздался звонкий голос Веры. – Добрый день, мои хорошие...

Она спускалась по лестнице, держась за перила и слегка пошатываясь. Она не была пьяна. Точнее, она была пьяна, но пьяна от любви.

– Мама...? – Надя улыбнулась.

Георгий не успел высказать своих претензий – в поле зрения попал актер. Дональд на ходу поправлял одежды. Он спускался с видом альфа-самца большой стаи бабуинов. Его внешний вид был несколько потаскан. Но глаза его светились чем-то запредельным. Можно применить такой эпитет – божественным.

– Вояж, Вера, непременно морской вояж! – его голос гремел, подтверждая статус члена стаи, указанный выше. – Меня всегда тянет в море в состоянии влюбленности.

– Как быстро меняются люди... – едва слышно пробормотал Георгий.

– И там не будет всех... твоих родственников, – Дональд бросил ненавистный взгляд на Георгия, усаживаясь за стол. – Кстати, почему не всю свою родню ты притащила ко мне в дом?

Владимир мысленно умножил количество брачных контрактов, очевидцем которых он был с учетом его вековой службы. Родственники в его проекции стоя заполнили площадь дома. Владимир выдавил улыбку, вызывая гневный взгляд Георгия.

– Ммя... – Вера закатила глаза, вызывая недоуменные взгляды «родственников».

– Что у нас на обед? – гремел альфа-самцом Дональд – не осталось и намека от того озябшего пингвина возле бассейна. – Я голоден и проглотил бы быка!

– Оставь мне спинку... – Вера, мурлыкая, влюблено смотрела на актера.

Георгий, вскочив, выбежал. Владимир обслуживал стол, ловя взгляды Нади. Флюиды заполнили атмосферу вместе с запахом специй.

Георгий вернулся к десерту. Сладкая парочка скрылась в спальне.

– Неужели это ревность?

– Надя, не смешите меня! – Георгий искренне улыбнулся. – Мы не можем выходить за временные рамки, и вам это известно не хуже меня. Нам дышат в спину!

Владимир пил горячий шоколад, рассматривая кричащие

образы звезды в рамках на фронтальной стене гостиной.

– Мама знает об этом. – Надя задумчиво смешивала мороженое с кленовым сиропом. – Возможно, это и есть причина ее легкого помутнения.

– Легкого? – Георгий взвизгнул, но, опомнившись, опустился на стул.

Вера единственная обладала тем мощным гипнозом, который позволял беспрепятственно сливать жертвенную кровь. Со звездой это было сделано дважды. Во время второго сеанса Вера «отпустила» актера, что привело к определенным трудностям.

Вера нервничала. С ней нервничали все. Всё было взаимосвязано. И все помнили, к чему приводили ошибки в прошлом. Где-то болтались по свету озлобленные неугомонные мстители. Кровавые мстители.

– Нам необходимо забрать все наркозапасы этой парочки, очевидно же – Вера неадекватна и это ей мешает. – Владимир растер пальцами обнаруженную на рамках фотоснимков пыль, – Что, кстати, она предпочитает последнее время?

– Опиаты, – Надя пожала плечами, словно речь шла о зефире к вечернему чаю. – А если всё в спальне?

– Они купаются каждое утро... – Георгий с оттенками ненависти фыркнул. – Это наш единственный шанс!

В отсутствии возможностей манипулировать при помощи гипноза повар был банально забит и обескровлен. Следующее утро было удачным.

Дональд вопил на весь дом, заглушая Freddie Mercury и его «Шоу». Обратная эволюция от альфа-самца породила улыбки на лицах.

– Такая деревянная шкатулка! – Он прыгал, как капризный ребенок.

Он валялся в ногах Веры, подозрительно быстро пришедшей в себя после принятия крови. Георгий торжествовал. Надя занималась макияжем. Владимир – остатками субстанции, приготовленной из крови повара.

Как источник крови кинозвезда уже никого не интересовал. Манипуляция на его пристрастиях дала нужный эффект. Закрывшись в кабинете, Георгий составлял бумаги. Владимир собирал чемоданы. Женская часть сообщества тоже готовилась к дороге.

Они уезжали в ночь. Владимир с девушками вдыхали аромат магнолии на парковке поместья в лучах заката. Георгий задерживался. Он был тщеславен и мстителен.

Находящаяся в наркотической эйфории кинозвезда не ощущал боли. Георгий старался изо всех сил. Он оставил хлюпающее остатками крови тело возле окропленного белого рояля.

*

Приграничная Чехословакия. Навигатор привел Александра в замок. Он опоздал к назначенному часу. Парковка забита автомобилями разного класса.

Команда человек двадцать. Основной костяк из десяти че-

ловек специалистов, остальная часть людей – с явными навыками военных.

Короткий брифинг по поводу реорганизации, ротации кадров и в финале – знакомство.

Тот же человек, тот же бриллиант, тот же запах табака. Та же убеждающая манера ведения разговора. Озвученные индивидуально гонорары заставляли смотреть говорящему в рот. Проекция выдает лица четверых предполагаемых преступников.

–... Безнравственные, безжалостные, – клуб сизого дыма растворился в проекции, – пролившие количество человеческой крови, аналогичное пролитой в среднем военном конфликте. – Бриллиант блеснул в темноте, притягивая взгляды немногих. – Генрих – ваш консультант. Дополнительная информация в базе данных. Возможности ваши безграничны. Поддержка почти на всех уровнях. Все вопросы через моего секретаря. – Грузное тело в дорогом костюме поднялось. – Кажется, всё. Да поможет нам бог!

Александр навскидку определил занятость основной группы и мысленно распределил их роли. Ошибся на двадцать процентов. Все произошло из-за синеглазой шатенки – не вписывалась в состав и принадлежность. Как-то слишком манерно пила машинный кофе, морщась вкусу.

– Тоже тяжело входите в состав новой группы? – Александр ощутил аромат бергамота и цитрусовых.

–В принципе, нет, – шатенка пожала плечами, – спасает

моя коммуникабельность.

Тело гимнастки, оставившей спорт. Взгляд карьеристки, оставившей двух мужей из-за этой же карьеры.

– Александр.

– Александра! – она улыбнулась и легко коснулась протянутой руки. – Аналитический отдел.

– Опоздал, – Александр улыбнулся в ответ. – Не знаю пока, какой отдел...

– Ваш акцент... – блеск синих глаз. – Вы русский?

– Да. А вы?

– Только корнями, – она поправила прическу. – Прадедушка...

– Это самые прочные корни, глубоко сидят в почве прошлого... – Она ему нравилась.

Рядом с ними на стол легли две пухлые папки. На них лежала пухлая рука не менее пухлого человека.

– Здесь всё о прошлом. Об их прошлом детально. Этого нет в общей базе и не должно быть, – глаза за толстыми роговыми очками смеялись. – Знакомьтесь! Сначала со мной – Генрих. Теперь с делами... Друг от друга отдельно, – лицо Генриха стало серьезным. – КПД понижается в вашем случае. – Он похлопал в ладоши. – Всё. За работу!

У каждого был свой, оснащенный всем необходимым кабинет. Анализ преступлений удивлял. По мнению Александра, долгожители должны быть очень богатыми. И логично было бы не самим заниматься преступлениями – отвести

от себя удар, затеряться среди пусть частично, но себе подобных. Зачем личное участие? Значит, оно необходимо...

Он все-таки пробрался к ней в кабинет.

– Саша...

Она оглянулась, держа подбородок в чаше из рук. Глаза смеялись.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Всё!

– Я о смысловой платформе. – Он сел на край ее стола, с удовольствием вдыхая аромат ее парфюма. – Само участие... Что это – адреналин? Патологическая жадность? Недоверие... быть может?

– Может, все вместе... – Саша пожала плечами. – И банальное непосвящение кого-либо в свои дела. Недоверие, как ты уже заметил.

– Хотела бы жить долго?

– И счастливо? – ее глаза светились ярче компьютера в полумраке кабинета.

– Так же, как эта неуловимая четверка? – Александра расслаблял диалог с ней, он дистанцировался от деловой атмосферы. – Они как вампиры, сосущие кровь... Счастья мало в таком долголетию.

Блеск глаз слегка погас. Она поправила прическу.

– Может, кофе? – как уход от темы разговора.

– Здесь он отдает привкусом машинного масла, – задумался Александр.

– Ты про аппарат? – Саша улыбнулась, складывая в стопку изучаемый материал. – Внизу кафе – там варят по-турецки и... кажется, неплохо.

Она много знала о России. Часто бывала, интересуясь генеалогическим древом семьи. Эрмитаж. Третьяковка. Петродворец... Интерес к искусству.

Ее прадед – белогвардейский офицер. Одно время был особой, приближенной к императору. Белая кость. Опала. Был отправлен на фронт. Затем следы теряются.

– Так здесь личный мотив? – Александр рассматривал пару мужчин за соседним столом.

– Не скрою, да, там какая-то странная история, бабушка умалчивала всю жизнь, как ни пыталась ее мама. – Саша мелкими глотками пила ароматный бодрящий напиток. – Она читала какие-то записи и письма, сделала какие-то выводы, но предпочитает молчать, как агент...

Собеседник человека, нанявшего их, подписывал бумаги, говоря короткими стреляющими фразами. Монолог Саши не давал возможности расслышать их. Без сомнения, богат. Властен. Тяжелый взор. Александр встретился взглядом с ним только раз и сразу отвел глаза.

– Совершенно бестактно, – Саша рассматривала Александра, – пригласить девушку на кофе и глазеть по сторонам. Налицо неинтерес... Или интерес, но погасший по какой-то причине.

– Саша! – Александр загремел стулом.

Уходя, она даже не повернулась. Ответом был красноречивый жест.

Под взгляды богатеев Александр покинул кафе.

*

Скоростной поезд уносил молодых людей вглубь Европы. Горный ландшафт мелькал за окном. Они разделились на пары. Владимир и Надя напоминали двух студентов, убегающих от родительской опеки в желании побыть вдвоем. Они целовались в полупустом вагоне хвоста поезда. Георгий с Верой играли более взрослую пару в голове поезда.

Связь через сообщения, по телефонам, которые используют многие преступные элементы всего мира. Не прослушиваются, не отслеживаются. Так говорят.

Вера депрессировала. Она обладала не только гипнозом. Дар предвидения на интуитивном уровне. Просто знала, что не нужно делать в следующий временной отрезок. Это часто спасало. Но не являлось гарантом: периодические эмоциональные всплески Веры ослепляли ее интуицию. Это создавало проблемы. Появлялась необходимость быстро перемещаться. Скрываться.

Адаптация. Изучение новых технологий. Но даже гениальный склад ума не дает людям, находящимся вне закона, возможностей идти в ногу с технологическим прогрессом всего остального мира.

Вера чувствовала их закат.

Как все поменялась за какие-то пятьдесят лет! Что гово-

ритель о веках...

Георгий гладил ее руку. Голова молодой женщины покоилась на его плече. Вера спала. Зрачки глаз за веками тревожно бегали.

—Мы найдем выход, обязательно найдем... — Георгий свято верил в то, что говорил.

*

Они нашли его во времена сухого закона. Сын главы мафиозного клана вел разгульную жизнь. Деньги. Девочки. Становление. Попытка самореализации. Предпоследняя ступень иерархической лестницы.

Вера разглядела в нем некий потенциал, понятный только ей. Среднестатистический уровень интеллекта убивался наркотиками и алкоголем. Она сыграла на пристрастиях. И потере мужской силы.

Двадцатипятилетней парень рыдал над отсутствием потенции. Девочки легкого поведения, пожимая плечами, покидали номера гостиниц. Слухи распространялись быстро. Они вместе с пагубными привычками и принялись убивать молодого человека.

Вера помогла ему. Не бесплатно. Особняки с виноградниками на юге Европы стали оплатой возрождения потенциала мужской особи.

Она привила ему тягу к знаниям. Не забыв выжать из него кровь кровопусканиями, так «омолаживающими его организм» и возрождающими силу самца. Схема была стара, как

сам мир.

Он остался с ними. Восполнив недавнюю потерю.

Предательство и интриги не были чужды даже такому маленькому сообществу. Стремление к власти погубило его предшественника: Георгий сменил Эдгара.

Эдгар был одной из ключевых фигур французского общества банкиров. На тот момент, когда Вера и компания нашли его, он был аутсайдером. Из-за своей патологической жадности Эдгар был вышвырнут за борт финансовых французских структур, отдав лидирующие позиции своему прямому конкуренту.

Эдгар находился в полушаге от суицида. Он стоял на шатающейся балке моста, глядя в мутные воды известной французской реки. Запах цветущих каштанов кружил головы влюбленным парам Парижа.

Он быстро согласился. Он был обанкрочен и обречен. Абсолютно не интересен в финансовом плане. Да и не особо здоров. Знания. Сообществу были необходимы его знания. Он знал все темные коридоры действующих на тот момент денежных систем. Чистых и темных.

Эдгар быстро вошел во вкус актов отчуждения частной собственности. И первым делом «прогулялся» по Елисейским полям. Месть двигала разорившимся банкиром. Вера закрыла глаза на всё, дав утолить ее страждущему.

Грамотно проведенные сделки привели Эдгара к безграмотным поступкам. Никакая кровь, поступавшая в него го-

дами, не вымыла из него тяги к власти и интригам. Он попытался сместить Веру, слепо веря, что подчинил себе полностью Надю.

Это была ошибка. Его тело обглодали крысы Парижских помоек.

Георгий был поставлен в известность о причинах кончины его предшественника. Сообществу необходим был грамотный специалист в вопросах финансов и юрисдикции. Георгий взялся за учебу. Это дало результат. Минимальный, но достаточный для ведения дел преступного сообщества. Генерация доходов сменила их упадок. Капитал был необходим, как никогда. Жизнь и борьба за жизнь в положении изгоя требует колоссальных затрат – необходимо соответствовать внешне, финансово и технически...

Он гладил ее руку. Визуально мужчина нежно заботился о своей молодой подружке. В действительности являясь младше на невообразимое количество лет. Георгий смотрел в мелькающие пейзажи за окном, думая о гендерном равенстве. Он помнил об Эдгаре. Но задатки хозяина жизни, заложенные отцом, не давали ему покоя.

Георгий мыслил объективно: женщины эмоциональны и подвержены проявлению чувств, несмотря на жестокость и свой кровавый жизненный путь. Именно их путь заставлял Георгия задумываться: две женские особи засвечены во всех преступлениях, связанных с сообществом.

Они ехали к потенциальной жертве, знакомство с которой произошло месяцем раньше в уютном отеле швейцарских Альп. Встреча была назначена в том же маленьком курортном рае.

Статистически количество жертв исчислялось сотнями. Александра удивляла наглость и безнаказанность преступников. Карта земного шара, висевшая на доске, пестрила красными точками, означающими места появления кровавого сообщества. Поражал масштаб. И это только известные случаи. Сколько осталось в тени?

– Ты знала, что их прадед имел отношение к алхимии? – он говорил с Сашей через приоткрытую дверь.

– Я изучаю их уже в течение пяти лет... – коллега даже не повернулась к нему.

– Мое рассеянное внимание и отвлеченность не повод для подобного отношения. – Он барабанил пальцами по стеклу двери.

– Я дам второй шанс – малейшее внимание не ко мне разрушит всё... – Девушка повернулась. В глазах смех.

– Я сам сварю тебе кофе! Через пятнадцать минут в кафе...

– Не знаю, я всегда считала алхимию лженаукой, философией, – Сашины глаза светились в нейтральном свете подвального помещения, – в которую верили, только ради того, чтобы верить. Верили в эликсиры, продлевающие жизнь, в

неосязаемую материю...

– Шарлатанство? – Он рассматривал гущу на дне кофейной чашки.

– Трудно рассуждать о до конца не исследованном...

– Я сам реалист и не верю в чудеса, но две молодые, нестареющие женщины... Меняется лишь окружение. – Александр долил еще кофе собеседнице. – И то... некоторые задерживаются на века.

– Понятие молодости может быть относительным, особенно в словах людей, переживших шок и ставших очевидцем преступлений...

– Но невозможно спутать двадцатилетнюю девушку с женщиной за полтинник, даже после сотрясения мозга! Разве что после лоботомии...

– Не знаю... – Саша пожала плечами. – В теории, если брать несколько поколений женщин, ради создания эффекта серийности возможно с учетом неплохих финансовых возможностей... А смысл?

– Я о том же...

– Странностей в деле не счесть. – Саша поправляла рукава, скрывая края цветных татуировок. – Опять же внимание к делу богатых мира сего...

– Ну это как раз объяснимо: акцентированная группа...

– Да они друг друга съесть готовы, – Саша усмехнулась. – Внезапное несчастье себе подобного доставляет неопишуемую эйфорию.

– Но оно может прийти в дом каждого – может, это одна из причин?

– Возможно... – Она поднялась, скромно пряча глаза. – Пойдем работать?

Работать не получилось. Точнее, пришлось срочно выехать на место очередного преступления. Частичная схожесть. Тело известного в прошлом актера было найдено изуродованным в гостиной его дома.

В двух микроавтобусах сотрудники выехали на место преступления, едва сойдя с трапа самолета. Краткий инструктаж. Кофе. Фастфуд.

– Поместье со вчерашнего дня является собственностью корейского бизнесмена. – Генрих вполоборота повернулся к сидящим в автобусе. – У нас пара дней, хотя по закону это место преступления. Работаем быстро, земля чужая...

– В чем идентичность? – вопрос поступил от человека со свернутым носом и густой черной шевелюрой.

– Собственность продана через сеть, подставные фирмы... Хозяин – богатый человек.

– Но он найден и к тому же со следами насильственной смерти? Немногочисленные тела, о которых говорит документация, были попросту обескровлены...

– Пропала прислуга, которой в доме было предостаточно и... – Генрих сделал паузу. – Хозяин – член известной семьи промышленников, хоть и отдалился от семьи, считая себя индивидуальностью.

– А что семья? – Александр произнес это сквозь дрему.

– Ее члены считают, что в семье не без уroda...

Два дня следственной рутины утомили Александра. Он скучал. Тем более, он не мог толком общаться с Сашей. Она намеренно держала дистанцию, изредка награждая его улыбками.

Во время подведения итогов появилась информация: похожих на подозреваемых людей видели одновременно в аэропорту и на железнодорожной станции. Профессиональный уход от камер слежения давал лишь силуэты и смазанные лица на присланных по запросу фотокадрах.

Следственная группа была разделена на две и отправлена в разных направлениях. Автобус с Александром и еще семью сотрудниками ехал на юг. Из них трое профессиональных военных. Одиночество в обществе: Саша уехала в направлении горных курортов.

Просмотр записей с камер наблюдений, как и ожидалось, ничего не дал. Налицо дилетантство работников небольшого частного аэропорта: нечеткие лица на камерах, схожесть каждого пятого проходящего через ворота порта.

Пришло сообщение об активности второй группы – они нашли какой-то след. Мобильная группа Александра отправилась на помощь. Он думал, улыбаясь, о Саше, вспоминая цвет ее кожи, блеск глаз и плохо скрытый собственный интерес к расследованию. Очевидный не только для Александра.

Саша в паре с Генрихом беседовала с полицейским со

станции. Железнодорожный блюститель порядка нес открытую ахинею. Он помнил пару, подошедшую к нему и расспрашивающую о направлениях, в которых движутся поезда со станции.

– Их интересовала южная ветка. – Взгляд полицейского пространственно блуждал по кабинету в поисках несуществующей мухи. – Я перечислил номера поездов и время отхода согласно расписанию на интересующий их момент.

– Как думаете, – Саша пыталась визуально определить степень вменяемости опрашиваемого, – почему они обратились к вам? Ведь информация есть на табло и в сети...

– Видели бы вы их! – Более осмысленный взгляд полицейского сфокусировался на Саше. – Бабуля вряд ли знает, что такое интернет, а ее внучок с признаками синдрома Дауна с трудом отличил бы табло от рекламного щита...

– Спасибо. – Генрих, поднявшись, пожал руку полицейскому. – Если понадобится, мы свяжемся с вами.

– В любое время, в любое время...

Саша и Генрих смотрели вслед удаляющейся фигуре в форме.

– Гипноз? – Саша подергивала ручку кожаной сумочки.

– Скорее всего, очень сильный, – Генрих растянул пухлое лицо в улыбке.

– Мы можем привлечь кого-то из специалистов?

– Можем, – Генрих сжал губы, – но не сейчас, закрытая информация в его голове никуда не денется. Она как в банке.

– Пойдем от обратного?

Генрих улыбнулся догадке девушки о ходе его мысли.

– По крайней мере рискнем!

*

– Значит, северное направление? – Александр прижимался плечом к Саше, сидя в вагоне и просматривая запись с камеры наблюдений на планшете.

– Там горы, свежий воздух и масса потенциальных жертв для работы наших подопечных, – Саша улыбаясь смотрела в окно поезда. – И прекрати эти тактильные контакты, или я буду рассматривать это как домогательство...

– Да-да... – Александр прокручивал ролик заново. – А это действительно единственная пара, обращающаяся к нему за время дежурства?

– Так показывает камера наблюдения...

На записи модно одетый человек лет тридцати с более молодой девушкой разговаривали с полицейским. Точнее, вела разговор девушка.

– Почему актуальна версия с гипнозом? – Александр по-секундно нажимал паузу.

– Обрати внимание на ее жестикуляцию. – Саша погружалась в дрему.

Полицейский на записи, внимательно слушая девушку, переводил взгляд поочередно с одной ее руки на другую. В итоге отсутствующий взгляд служителя закона сконцентрирован вслед уходящей паре.

Александр, улыбаясь, укрыл своим пальто мирно сопящую коллегу.

*

Они ужинали возле камина. На столе полыхали свечи. Благоухали ароматом подаваемые блюда. Горели любовью глаза. Мандраж бил тела присутствующих. Модно и броско одетого мужчину – от разгорающейся в нем страсти. Девушку – от смены климата.

Так всегда бывало с Верой. Но она держалась, переводя взгляд с дорого подарка на руке на лицо человека, сделавшего этот подарок.

– Вы знаете, Вера, я уже не слишком молод...

– Но еще не слишком стар? – Она улыбнулась, слегка тронув ногтем пустой бокал. На звон появился из-за ее спины официант.

Они оба посмотрели, как льется красное «густое» вино в бокал.

– Я прошел долгий путь, прежде чем стал владельцем семи отелей, расположенных по всей Европе. – При этом говорящий с вандализмом переламявал кости эстетически выложенного на блюде перепела. – Периоды были разные, и сталкиваться приходилось также с разными людьми и делами...

– Я слышу ноты угроз в твоих словах, Валентин. – Вера потянулась кошкой. – И это после сегодняшней ночи?

Взгляд колючих черных глаз только секунду изучал собеседницу, слегка блеснули зубы под черными усами. Затем

под ними исчезло мясо дичи.

– Ты нетерпелива, и это молодость... говорит в тебе. – Валентин, пережевывая мясо, пил коньяк. – Не скрою, ты нравишься мне, более того, я хотел бы, чтобы ты скрасила остаток моих дней...

– Таким аленьким цветочком возле поросшего мхом могольного камня?

– Юмор я тоже ценю. – Валентин сверкнул глазами. – Точно так же, как преданность...

– Милый, скучно... – Вера улыбнулась, протягивая руку к собеседнику через весь стол, браслет из белого золота сверкнул желтым алмазом глаза змейки. – Что за угроза, плохо скрытая в комплиментах? Хочется романтики: парить в облаках над верхушками этих гор в багровых лучах заката...

– Именно это тебя и ждет: беззаботная жизнь, деньги, карьерный рост в любой сфере деятельности, в которой пожелаешь, если пожелаешь. – Валентин сверкнул глазами в ответ украшению на руке Веры и глотнул коньяка. – А для начала я подарю тебе один из отелей этого курорта, выбирай любой!

– Милый Валентин, – Вера подошла к открытому окну, разглядывая ландшафт горного курорта и вдыхая свежий воздух, – я не преследую корыстных целей, как это могло показаться. Более того, я сама богата и могу подарить тебе любой из этих отелей. Наследство, богатое наследство...

– Вот как? – Валентин улыбнулся, раскуривая сигару. – Я, пожалуй, выберу этот, в нем интересные архитектурные ре-

шения!

– А я не шучу. – Вера, развернувшись, улыбнулась; глаза отражали пламя стоящих рядом с ней свечей. – Я подарю тебе его навсегда!

Валентин ухмыльнулся.

– Прогулка или спальня? – Он любовался молодостью и красотой будущей жены.

– Я предпочту второе... Но после нескольких бассейнов.

– Я буду ждать тебя.

– Эта тварь абсолютно не поддается гипнозу!

– Может, ты перенервничала? – Надя массировала плечи матери, сидящей на шезлонге.

– Я в порядке! Такое случилось, ты же помнишь. – Вера, закрыв глаза, искала ответ в своих внутренних ощущениях. – Я вижу, что происходит с официантами... Вообще что-то не то... Надо уезжать!

– А что делать с ним?

– Пусть Владимир с Георгием что-то придумают, в конце концов, я не могу все делать одна!

– Да, мама...

*

Они двигались в верном направлении. Звонок поступил из отеля. Труп мужчины со следами насильственной смерти.

Администрация и постояльцы в шоковом состоянии. Мрачная репутация отеля. Отток желающих остановиться.

Криминалисты монотонно двигались по номеру. Осталь-

ные собрались в зале ресторана. Двойные порции кофе. Дым сигарет в запрещенном для курения месте.

– У них явно что-то идет не так! – Девушка с рыжей копной волос «убивала» себя никотином.

– Вы сама очевидность, Роза! – Генрих потирал глаза и помятое от недосыпа лицо. – Вам приз. Что-то более конструктивное есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.